

Въехав в деревню Нагар, они с трудом нашли маленькую гостиницу — всего восемь номеров — под названием «Хилтон». К известной сети отелей она отношения не имела: название отсылало к автору «Потерянного горизонта» Джеймсу Хилтону. На этом маршруте многие гостиницы, большие и маленькие, назывались так же.

Они решили остановиться. В этом путешествии они привыкли задерживаться в каждом месте на несколько дней, ничего не делая, просто слоняясь без цели, — и чувствовали себя прекрасно.

В отличие от большинства южноазиатов, жители Нагара и Хунзы были высокими, светлокожими, с голубыми глазами и светлыми волосами. Этнографы знали, что у них общие предки, но не могли определить, откуда те пришли. По местным легендам, их предками были греческие солдаты, оставленные здесь после походов Александра Македонского, — однако никаких доказательств этому пока не нашли.

История королевств Нагар и Хунза тоже оставалась туманной. Даже в самых подробных летописях им уделялось всего страница-другая — небо и земля по сравнению с необъятными хрониками Китая.

Лин Цзыхань и Вэй Тяньюй обожали такие загадки. В обычной жизни, казалось, уже не осталось тайн: каждый стремился защитить свою жизнь и укрыть личное от посторонних глаз. А здесь — сколько ни бились историки, археологи, этнографы и прочие специалисты, истоки этих людей оставались сокрыты.

Жители деревни жили просто и тихо, на любопытство приезжих не обращали внимания — чему те, бывало, завидовали.

Лин Цзыхань и Вэй Тяньюй припарковали машину, отнесли в номер вещи и туалетные принадлежности, а потом устроились в саду, где цвели космеи, и, глядя на упирающиеся в небо снежные вершины, с удовольствием принялись за обед. На яблонях висели спелые плоды, и хозяин с улыбкой дал понять: можете рвать. Друзья переглянулись и рассмеялись — казалось, самый воздух был пропитан радостью.

После еды Вэй Тяньюй естественно обнял Лин Цзыханя за плечи, и они неспешно побрели по долине Хопер. Лин Цзыхань шел рядом, руки в карманах, глаза полные смеха.

Кругом сверкали заснеженные пики, а в долине, помимо абрикосовых и яблоневых садов, террасами поднимались картофельные поля. Стояла пора сбора урожая, деревенские трудились на участках, дети носились между туго набитыми мешками — их звонкий смех далеко разносился в тихом воздухе. Под синим небом все улыбались, выглядели довольными.

Вэй Тяньюй и Лин Цзыхань шли плечом к плечу, очень близко. Деревенские принимали их за пару и отвечали одобрительными, благословляющими улыбками.

Вэй Тяньюй чувствовал себя счастливым. Быть так рядом с Лин Цзыханем, так близко, два с лишним месяца есть, спать, путешествовать вместе — это приносило ему огромную радость.

Пройдя немного, Лин Цзыхань с наслаждением вздохнул:

— Жить здесь — все равно что забыть, какой сейчас век.

— Да, — улыбнулся Вэй Тяньюй. — Это одно из пяти мест в мире, славящихся долголетием. Многие здешние столетние старики свой возраст и не помнят. Пожить здесь — так, пожалуй, и

до бессмертия недалеко.

Лин Цзыхань рассмеялся и кивнул:

— Вполне возможно.

Вэй Тяньюй, глядя на снежные вершины, набрался смелости:

— Цзыхань, знаю, сейчас, может, и не самое подходящее время... Но мы скоро возвращаемся, и я все же хочу... сказать. Мне кажется, нам вместе очень хорошо, мы понимаем друг друга. Как думаешь... есть ли у нас с тобой шанс?

Лин Цзыхань, тоже смотревший на вершины, медленно опустил голову. Помолчав, он мягко улыбнулся:

— Тяньюй, я много раз думал об этом в последнее время. Ты всегда был ко мне очень добр, и твои чувства я понимаю. Думаю, даже лед растаял бы от такого тепла. Но я только-только расстался с ним, его образ еще в моем сердце. Боюсь, это будет несправедливо по отношению к тебе. Возможно, мне нужно время, чтобы он потускнел в памяти, и тогда уже быть с тобой. Так будет лучше.

Голос его звучал мягко, но с неуверенностью. В делах сердечных опыта у него не было, и, как и Лэй Хунфэй, он был еще не слишком искушен, поэтому и сам не вполне доверял своим мыслям.

Но Вэй Тяньюй все понимал. Он крепче обнял Лин Цзыханя за плечи и твердо сказал:

— Не нужно. Во-первых, мне не важно, что в твоём сердце еще есть он. Это естественно, и я не хочу, чтобы ты стал бесчувственным. Во-вторых, вы на всю жизнь останетесь братьями, ты не можешь просто стереть его из памяти, верно? Иначе какая же это братская любовь? Цзыхань, я не хочу больше терять время. Помнишь, в пустыне, когда я обезвредил бомбу и сидел, глядел на звезды, на рассвет — я думал: а если бы у меня не получилось? Цзыхань, я не о том, что страшно. Просто почувствовал, что в жизни осталось еще немного сожаления. Мы с тобой вечно ходим по краю, обычная жизнь для нас — редкость и драгоценность. Не хочу больше тянуть. И не хочу, чтобы ты был один. Цзыхань, давай будем вместе? Хорошо?

Слова тронули Лин Цзыханя. Он вспомнил ту ночь в пустыне, когда ложился спать, готовый превратиться в прах. Сколько раз за эти годы он был так близок к смерти — и так далек от обычной жизни. Как эти горные пики перед ним: величавые, могучие, но обреченные на вечное одиночество. Облака плывут, времена меняются, а он и среди всего этого, и в стороне; сердце молча стареет. Неужели это и есть зрелость?

Долго думал, мысли накатывали волнами и так же отступали. Наконец он поднял голову и уверенно кивнул:

— Хорошо, Тяньюй. Будем вместе.

Вэй Тяньюй обрадовался так, что готов был взлететь, и крепко, крепко обнял его.

Лин Цзыхань вынул руки из карманов и тоже обнял друга.

Спустя некоторое время Вэй Тяньюй рассмеялся:

— Только потом не говори, что я подлый, что воспользовался моментом.

— Хорошо, не скажу, — улыбнулся Лин Цзыхань. — А ты не говори, что я просто заполняю пустоту или лечусь тобой.

Вэй Тяньюй, услышав «лечусь», почувствовал легкий укол в сердце. Та история действительно больно ранила Лин Цзыханя, раз даже сейчас, спустя время, это слово сорвалось с языка.

— Для меня это большая честь, — пошутил он. — Пластырь «Вэй Тяньюй» — средство от душевных ран. Редкая награда.

Лин Цзыхань рассмеялся.

Вэй Тяньюй с энтузиазмом повел его ужинать, а потом они еще немного прогулялись по деревне. В гостинице жили туристы из других стран, и, встречаясь, все обменивались улыбками и приветствиями.

Постепенно стемнело, потянуло вечерней прохладой. Вэй Тяньюй обнял Лин Цзыханя и повел его обратно в гостиницу.

Лин Цзыхань уже не температурил, плечо зажило, лекарства он больше не принимал и чувствовал себя гораздо бодрее. Он первым помылся, вернулся в номер, устроился на кровати, прислонившись к изголовью, и включил телевизор.

Здесь стояла мощная спутниковая антенна, каналов ловилось несколько сотен. Они обычно смотрели новости да европейское кино.

В гостинице была только одна общая ванная, и все мылись по очереди. Когда Вэй Тяньюй вернулся в номер после душа, было уже поздно.

Когда они приехали, свободной оказалась лишь одноместная комната с кроватью чуть уже двуспальной. Их это не смутило — тем более здесь, в глухой долине. Последние пару дней они спали на одной кровати, каждый под своим одеялом, и все было хорошо. Так они и ехали почти все путешествие. Но сегодня вечером что-то изменилось — особенно для Вэй Тяньюя. Он чувствовал волнение, нетерпение, сердце билось учащенно.

<http://bllate.org/book/16287/1468491>